

ПАТТИ СМИТ
Я пасу облака

The Wofgatherers

There was a field. There was a hedge
composed of great bushes framing my view.
The hedge I regarded as sacred. The
stronghold of the spirit. The field I
revered as well, with its high becoming
grass and powerful bend, The field of God.

Beyond, to the right, was a small peach
orchard and to the left a white washed
barn with the words Ho-Down HALL
above the double door. On Sunday evenings
we all would meet and dance to the
fiddler and the fiddler's call.

Later, after my bath, my mother would
comb my hair and I'd say my
prayer and she'd tuck me in. I'd
wait till all was quiet. Then I'd
rise, mount a chair, push aside the
cloth that covered my window and
continue my prayers; wandering to
greet my god.

On clear, peculiar nights I sometimes
saw movement in the grasses. At first
I thought it to be the swipe of the white
owl or great pale wings of the luna
moth that seemed to spread and fold
like a medieval habit. But it came to
me one night that it was people, like
none I had ever saw, in strange archaic
dress. I used to think I could see
the white of their bonnets and, at times,
a hand, in the act of grasping.

ПАТТИ СМИТ
Я пасу облака

Перевод с английского
Светланы Силаковой

издательство
АСТРЕЛЬ

УДК 821.111(73)-31

ББК 84 (7С0Е)-4

С50

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Смит, Патти

С50 Я пасу облака / ПАТТИ СМИТ; пер. с англ. С. Силаковой. — Москва:
Астрель: CORPUS, 2012. — 112 с.

ISBN: 978-5-271-45455-4 (ООО “Издательство Астрель”)

Поэт, певица и “крестная мать панк-движения” Патти Смит предстает в книге поэтической прозы “Я пасу облака” в совершенно непривычном образе. Здесь она — маленькая девочка, впервые познающая такой волнующий и пугающий окружающий мир. Она слышит движение трав и листья деревьев. Она верит в существование других миров. Широко открытыми глазами она смотрит на пронесшиеся над ее головой облака и понимает, что все вокруг — не просто так, что все взаимосвязано и она — часть этого волшебного мира. Знаменитая певица, изменившая рок-н-ролл и написавшая несколько великих песен, смогла сохранить в себе частичку детства. В книге “Я пасу облака” она не просто вспоминает это детство, она дарит его частичку читателям.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84 (7С0Е)-4

ISBN: 978-5-271-43392-4 (ООО “Издательство Астрель”)

© Patti Smith, 1992, 2011

© С. Силакова, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2012

© ООО “Издательство Астрель”, 2012

Издательство CORPUS ®

Моему отцу

Содержание

<i>К читателю</i>	9
Призвание	15
Те, кто пасет облака	18
Амбарные танцы	27
Ковбойские истины	35
Индийские рубины	39
Рисую	45
Два мира	64
Искусство на небесах	75
Тысяча девятьсот пятьдесят седьмой	77
Кимберли	87
Милле	91
Летаю	95
Прощание	103

К читателю

В 1991 году я с мужем и двумя детьми жила в пригороде Детройта, в старом каменном доме у канала, впадающего в озеро Сент-Клер. По облупленным стенам взбирались плющ и вьюнок. В живых драпировках балкона, сплетении виноградных лоз и диких роз, голуби воспитывали птенцов. Участок слегка зарос, к вящему ужасу наших соседей, и, стоило нам надолго отлучиться, они пытались его подстричь. Наше дикое поле могло похвалиться множеством полевых цветов, кустами сирени, парой древних ив и одинокой грушей. Свою семью и дом я любила всем сердцем, но той весной меня одолевала жуткая, необъяснимая меланхолия. Дети в школе, уборка сделана, а я часами сижу под ивами, погружившись в задумчивость. В таком-то настроении я и начала сочинять книгу *“Я пасу облака”*.

Мне прислал письмо Реймонд Фой, учредивший вместе с Франческо Клементе *Hanuman Books*. Попросил что-нибудь неопубликованное. Он выпускал книжки форматом всего три на четыре дюйма, вроде крохотных индуистских молитвенников, которые помещаются в кармане. Меня восхитила идея книжки-малютки, и ранней осенью, когда на дереве дозревали груши, я приступила к работе. Поначалу писалось медленно, и Реймонд периодически подбадривал меня по телефону. Однажды он позвонил, чтобы передать просьбу Уильяма Берроуза. Все издания *Hanuman Books* имели на корешке порядковый номер. Мне выпал номер 46 — год моего рождения, кстати. Но этот же номер приглянулся Уильяму: его любимое число — 23, то есть мое, разделенное на два. Из любви к Уильяму я согласилась поменяться.

Я писала от руки на бумаге в клетку и поставила последнюю точку 30 декабря 1991 года, в день своего сорокапятилетия. Отправила текст Реймонду, тот перепечатал его на машинке и отослал для публикации в Мадрас. Оказалось, 45 — мое идеальное число.

Сигнальный экземпляр книги “Я пасу облака” я подарила отцу, но время шло, а отец не говорил ни слова. Папа был прекрасным человеком, но надо было очень постараться, чтобы заслужить его похвалу, и я робко

надеялась, что он хотя бы перелистнет страницы. Лишь спустя годы, незадолго до смерти, он сказал мне: “Патриция, я прочитал твою книгу”. Я приготовилась выслушать критические замечания, но поразились, что он назвал столь скромный подарок книгой. “Ты хорошая писательница”, — сказал он и сварил мне кофе. Такой комплимент я услышала от него в первый и последний раз в жизни.

Как-то меня спросили: “Считаете ли вы “Я пасу облака” сказкой?” Я всегда обожала сказки, но, боюсь, тут это слово не подходит. Все, что содержится в моей тоненькой книжке, — чистая правда, все описано так, как случилось на самом деле. Работа над этими текстами вывела меня из загадочного оцепенения. Надеюсь, моя книжка подарит читателю мгновения смутной, нездешней радости.

Я пасу облака

Призвание

Я всегда воображала, что однажды напишу книгу, пусть даже тоненькую-тоненькую, которая уведила бы в дальние дали — в мир, что невозможно ни измерить, ни даже удержать в памяти.

Я много чего воображала. Что буду блистать. Что буду хорошей. Буду сидеть с непокрытой головой на горной вершине и втайне от всех, укрывшись в облаках, вертеть колесо, от которого вертится Земля, буду кое на что влиять, кому-то пригожусь.

Странные желания разлетались пушинками в воздухе, придавали легкость шагам хмурой девчушки с ногами-жердями, не умевшей толком даже гольфы надеть так, чтоб они не втягивались в тяжеленные ботинки.

Какие бы гольфы я ни надела, они всегда съезжали. Наверно, потому, что я часто набивала их стеклянными шариками. Рассую их по гольфам и бегом на улицу. Все остальное у меня получалось неважно, зато в шарики я могла обставить любого.

Вечером я высыпала трофеи на кровать и протирала замшей. Сортировала шарики по цвету, по боевым заслугам, а они сами собой пересортировывались: крохотные сияющие планеты, и у каждой — своя особенная история, своя воля к победе.

Я с самого начала была убеждена, что своими победами обязана не себе. Всегда чувствовала: успех уже содержится в самих предметах. Некая магия высвобождается от моего прикосновения. Волшебство я обнаруживала повсюду — словно джинны оставили свои отпечатки на каждой вещи, на всем в природе.

Будь осторожна, будь мудра. Прозорливый может поймать что-то далекое и сделать его близким.

А ветер теребил края ткани, которой было затянута мое окно. У окна я несла вахту, примечая любой пустяк, который в моих широко распахнутых глазах запросто превращался во что-нибудь чудовищное и прекрасное.

Я присматривалась, примерялась и без малейшего усилия пропадала — ветреной пушинкой порхала между мирами, не замечая, что у меня руки-крюки, а гольфы — винтом.

Я улетала, и ни одна живая душа не замечала этого. Всем казалось, что я рядом с ними, никуда не делась — сижу на кровати, поглощенная детской игрой.